

Семиотический анализ текстов родственных лингвокультур в переводоведческом ракурсе (на материале якутского перевода повести Чингиза Айтматова «Первый учитель»)

А. Н. Попова¹, А. А. Васильева²

¹Литературный институт имени А. М. Горького, г. Москва, Россия

²Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

E-mail.ru: vaaperevod@mail.ru

Аннотация. В данной работе, опираясь на семиотические модели Ю. М. Лотмана, художественный текст рассматривается как взаимодействие семиосфер, а перевод – как перекодирование с одного культурного кода на другой. В статье приводятся основные результаты проделанного семиотического анализа трех текстов повести Чингиза Айтматова «Первый учитель» – оригинала на киргизском языке, автоперевода на русский язык и перевода на якутский язык. Выявляются несколько семиотических пластов в двух авторских текстах, которые по отношению к якутскому переводу оба являются оригиналами. Это киргизский пласт К, мусульманский пласт М, советский пласт С, состоящий из трех эпох C_{60} , C_{20} , C_{50} , общечеловеческий пласт $Ч_0$ и русский пласт РО. Для якутского переводчика Н. А. Кондакова оригиналом является русский автоперевод Ч. Айтматова, в котором, в отличие от киргизского оригинала, более плотным является советский культурный пласт, а также появляется русский культурный пласт РО, родной и понятный для всех лингвокультур народов СССР. В статье приводятся примеры перевода на якутский язык ситуативных реалий, ключевых лингвокультурем культурного пласта К, а также фразеологизмов русского культурного пласта РО. В результате анализа делается вывод о том, что якутский перевод не смог передать в полной мере заложенных автором и киргизской лингвокультурой конкретных смыслов. Вместо этого перевод трансформировался в текст якутской семиосферы. Указываются причины такой трансформации при переводе – тонкие различия выражения общетюркских концептов в родственных лингвокультурах и субъективный уровень мастерства советского переводчика-журналиста, стремящегося калькировать не только русскую фразеологию, но и синтаксический строй многих предложений. В итоге делается вывод о важности предпереводческого анализа оригинала, когда тщательному разбору должны подвергаться все явные и неявные лингвокультурные особенности текста, в результате чего может быть избрана верная стратегия перевода художественного текста родственной лингвокультуры.

Ключевые слова: Чингиз Айтматов, Николай Кондаков, художественное произведение, перевод, киргизская литература, лингвокультура, семиосфера, ситуативная реалья, культурный код, лингвокультурема.

Для цитирования: Попова А. Н., Васильева А. А. Семиотический анализ текстов родственных лингвокультур в переводоведческом ракурсе (на материале якутского перевода повести Чингиза Айтматова «Первый учитель»). *Алтаистика. Altaistics*. 2024, № 3(14), С. 68-80. DOI 10.25587/2782-6627-2024-3-68-80

ПОПОВА Ангелла Никитична – студент, ФГБОУ ВО «Литературный институт имени А.М. Горького», г. Москва, Россия.

E-mail.ru: angellanikit@gmail.com

POPOVA Angella Nikitichna – Student, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow, Russia.

ВАСИЛЬЕВА Акулина Александровна – к. филол. н., доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», г. Якутск, Россия.

E mail.ru: vaaperevod@mail.ru

VASILIEVA Akulina Aleksandrovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Departament, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

Semiological analysis of linguoculturally related texts from a translation perspective (a case study of the yakut translation of Chinghiz Aitmatov's novel «The first teacher»)

A. N. Popova¹, A. A. Vasilieva²

¹Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow, Russia

²M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

E-mail.ru: vaaperevod@mail.ru

Abstract. Based on the semiotic models of Juri Lotman, this article regards a literary text as an interaction of semiospheres and its translation as a conversion from one cultural code to another. The article gives key takeaways from the conducted analysis of the three texts of Chinghiz Aitmatov's novel "The First Teacher" – the original in the Kyrgyz language, the author's translation into the Russian language, and the translation into Yakut language. Several semiospheres are unraveled in the two author's texts which both are the originals for the Yakut translation – the Kyrgyz semiosphere K, the Muslim semiosphere M, the Soviet semiosphere S (with three periods – S60, S20, and S50), the universal (common to all mankind) semiosphere Cho, and the Russian semiosphere RO. For the Yakut translator Nikolai Kondakov, the original text is the author's translation into the Russian language, which, compared to the Kyrgyz text, contains more of the Soviet semiosphere S and has the Russian semiosphere RO familiar to all linguocultures of the people of the USSR. The article provides examples of translation into the Yakut language contextual culture-specific elements and linguoculturemes of the Kyrgyz semiosphere K, as well as idioms of the Russian semiosphere RO. The analysis concludes that the Yakut translation didn't relay the author's and the Kyrgyz linguoculture's specific meaning to the full extent. Instead, the translation is transformed into a text of the Yakut semiosphere. Several reasons for this transformation are denoted – subtle differences in the expression of common Turkic concepts in related linguocultures and the personal skill of the Soviet journalist-turned-translator who tries to loan translate not only Russian idioms but also the syntax of many sentences. It is concluded that it is important to conduct a pre-translation analysis of the original with a careful review of all implicit and explicit linguocultural aspects of the text. This allows the correct translation strategy of a literary text from a related culture.

Keywords: Chinghiz Aitmatov, Nikolai Kondakov, literary text, translation, Kyrgyz literature, linguoculture, semiosphere, contextual culture-specific element, culture code, linguocultureme.

For citation: Popova A. N., Vasilieva A. A. Semiological analysis of linguoculturally related texts from a translation perspective (a case study of the yakut translation of Chinghiz Aitmatov's novel «The first teacher»). *Altistics*. 2024, No 3 (14), Pp. 68-80. DOI 10.25587/2782-6627-2024-3-68-80

Введение

Кыргызстан и Якутию связывают давние культурные связи – это и память о политическом деятеле Якутской АССР и Киргизской ССР Максиме Аммосове (1897–1938), это и советское движение «Дружба литератур – дружба народов», это и научный диалог в исследовании эпосов, это и взаимопереводы художественных и эпических произведений в XXI веке [1–5]. Творчество Чингиза Айтматова в этом дружественном диалоге занимает особое место – с ним связана мировая слава Сахатеатра [2], расширение тематики и художественных приемов якутской литературы [6], внимание к переводческой деятельности [4].

Итак, перевод как диалог культур, как межкультурная коммуникация актуален всегда в связи с тем, что не только открывает новые миры, но и становится источником самопознания народа, познания культуры родного народа через опосредованный взгляд со стороны. Это происходит тогда, когда при попытке передачи национального своеобразия родственной лингвокультуры средствами родной лингвокультуры неожиданно раскрываются во всю мощь едва уловимые отличия одного и того же. Для объяснения этого феномена художественного перевода в данной статье представляются результаты анализа семиотических пластов трех текстов на основе модели Ю. М. Лотмана – киргизского оригинала

«Биринчи мугалим», русского автоперевода «Первый учитель», который одновременно является оригиналом для якутского перевода «Маннайгы учуутал» [5].

Известно, что повесть «Биринчи мугалим» / «Первый учитель» Чингиз Айтматов написал на киргизском языке, текст которого в 1962 г. перевел на русский язык в соавторстве с переводчиком, редактором Анной Дмитриевой. Переводчика Анну Дмитриеву Чингиз Айтматов считал своим учителем словесности русского языка. Ведь именно с первых опытов перевода на русский язык своих произведений Чингиз Айтматов начал писать на русском языке. Перевод на якутский язык был выполнен журналистом Н. А. Кондаковым в 1966 г. в рамках подготовки к Дням киргизской литературы в Якутии [7]. В 2017 г. переводы той поры были переизданы в двуязычном издании «Илгэлээх ардах. Белый дождь» [5], тем самым вызвав повторный интерес общественности к указанным текстам в частности и литературно-переводческой деятельности в общем. Теперь перевод Н. А. Кондакова, можно сказать, уже относится к истории. В наши дни с развитием исследований в области литературоведения, культурологии и теории перевода можно и нужно создавать новые переводы классических текстов, которые могли бы стать для современных якутов источником самопознания и кладезем образцов родной речи. Для создания качественных переводов, адекватно передающих не только содержание оригинала, но и авторский замысел, важен предпереводческий анализ текста. Представленный в данной статье семиотический анализ может стать основой для разработки методики специального предпереводческого анализа текстов родственных лингвокультур.

Семиотический анализ для художественного перевода

Одним из важнейших событий XX века в истории лингвистики стало возникновение понятия-термина «картина мира». Это событие положило начало изучению языка как постоянно меняющегося, развивающегося в пространстве и времени живого организма, неразрывно связанного с культурой, бытованием, самосознанием того или иного народа, или коллектива людей, объединенных единым культурным кодом. «Картину мира» литературовед, культуролог и семиотик Юрий Лотман воспринимает как некую конструкцию и обозначает термином «семиосфера». По Лотману, «любой отдельный язык оказывается погруженным в некоторое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать. Неразложимым работающим механизмом – единицей семиозиса – следует считать не отдельный язык, а все присущее данной культуре семиотическое пространство. Это пространство мы и определяем как «семиосферу» [8, с. 251].

А якутский ученый-философ, кандидат философских наук К. Д. Дьячковский–Анаарар в своей диссертации 1997 г. отметил, что «установление и использование на практике этносемиотических средств помогает формированию и развитию гомеостазиса (в данном случае – самозащиты, саморегуляции, иммунитета к отрицательным влияниям) национальной культуры <...> С этой точки зрения, чем больше народ познает (а также создает новые) свои этносемиотические средства, тем дольше он сохранится как этнос» [9, с. 17]. В многонациональной Российской Федерации объединяющим множество разных культур и языков является русский язык. Он не только является языком межнационального общения, но и способствует созданию единого семиотического пространства, например, советского и российского.

Межнациональное и межкультурное общение происходит посредством языка и речи, которые вербально отражают культуру. При этом важным средством общения является перевод. Ю. Лотман рассматривает акт перевода как акт передачи информации культурного кода и считает, что адекватный перевод достижим лишь в случае создания искусственного

текста. О специфике художественного перевода Ю. М. Лотман пишет следующее: «Передающий и принимающий пользуются различными кодами K_1 и K_2 , пересекающимися, но не идентичными. В случае обратного перевода это даст не исходный, а некоторый третий текст T_3 . Еще ближе к реальному процессу циркуляции сообщений случай, когда перед передающим оказывается не один код, а некоторое множественное пространство кодов $k_1, k_2, \dots, k_n$, каждый из которых – сложное иерархическое устройство и допускает порождение некоторого множества текстов, в равной мере ему соответствующих» [8, с. 159].

Юрий Лотман как теоретик и исследователь «текста» в его сложном разнообразии (текст=проза, текст=фильм, текст=картина, текст=спектакль) внес особый вклад не столько в изучение семиотики, но, в частности, известен как чуткий исследователь уплотнений и смыслов именно текстов художественной литературы.

Изучать и анализировать в семиотическом ключе столь сложное явление, как текст художественной литературы национального писателя (в оригинале и переводах) советского периода, периода существования единого и в то же время очень уплотненного семиотического пространства как Советский Союз, вдвойне интереснее.

По Лотману, пространственная структура разделяется на «свое» и «чужое»: «Уже на уровне сверткового, чисто идеологического моделирования язык пространственных отношений оказывается одним из основных средств осмысления действительности. Понятия «высокий – низкий», «правый – левый», «близкий – далекий», «открытый – закрытый», «отграниченный – неотграниченный», «дискретный – непрерывный» оказываются материалом для построения культурных моделей с совсем не пространственным содержанием и получают значение: «ценный – неценный», «хороший – плохой», «свой – чужой», «доступный – недоступный», «смертный – бессмертный» и т. п. Самые общие социальные, религиозные, политические, нравственные модели мира, при помощи которых человек на разных этапах своей духовной истории осмысляет окружающую его жизнь, оказываются неизменно наделенными пространственными характеристиками» [10, с. 267].

«Чужое» обычно принимается враждебно, с долей недоверия, непонимания. Но в исследуемом нами тексте все иначе.

В своей повести Чингиз Айтматов как посредник занимает позицию рассказчика (художника), которому по стечению обстоятельств доверила письмо героиня, Алтынай Сулаймановна, и тем самым избегает какой-либо личностной оценки. Но с позиции героини, «родной» мир ей враждебен, а «советская власть» спасает её. Сюжет повести охватывает период становления Советской власти в предгорном киргизском аиле, послевоенное время и тот же аил на рассвете всесоюзной колхозной поры и закольцован 1960-ми годами.

Оригинал повести написан на киргизском языке, который мы обозначим как основной семиотический пласт – O_1 . Основной семиотический пласт в O_1 занимает культурный код киргизского народа, который мы обозначим формулой $K(T+M)$. Киргизский народ мы рассматриваем как тюркский народ (T), перенявший мусульманскую веру, ислам (M).

Пласт T занимают тюркизмы и все, что относится к культуре древнего кочевого народа, особая ментальность и чувствительное восприятие окружающего мира. И, разумеется, центральное место в T занимает героический эпос киргизского народа Манас.

M – это вера народа, понимание места человека (человек=адам) на земле и образование. Не случайно повесть в оригинале называется «Биринчи мугалим». Мугалим – учитель, мастер – слово арабского происхождения. Хотя в повести и говорится, что образование в киргизские аилы пришло со становлением советской власти, но присутствие в ежедневном обиходе жителей аила слов «китеп» (книга), «мектеп» (школа) и т. д. говорит об обратном. Образование в жизненный уклад киргизского народа пришло с принятием мусульманского вероисповедания в 711 году.

Так же существует семиотический слой – С. Так мы назовем редко встречающиеся в тексте советские реалии как «колхоз», «почто», «телеграмма», «волус» (волость), милиционерлер (милиционеры), «комсомол», «пионер». Но это скорее – приметы времени.

Таким образом, схема семиотических пластов оригинального текста повести «Первый учитель» может выглядеть так: $O_1 = K (T+M) + C$.

Русский перевод этого текста мы назовем O_2 . Данный текст для нас так же является оригинальным авторским текстом. В русском тексте основной пласт занимают культурный код советского народа С и семиосфера киргизской картины мира, непереводимый пласт киргизских реалий – К.

К – это акт творения показан как *“рост ребенка в люльке”* (отсылка к тюркским эпосам); вдохновение как *“звучание в душе”* (киргизские акыны); *“история, всколыхнувшая мне душу”* и *“я боюсь расплескать полную чашу”* (душа представляется как сосуд), *“тополя особенные – у них свой особый язык и, должно быть, своя особая, невучая душа”* – соотнесение себя (я – киргиз, я – художник) с невучими тополями.

Со своей стороны, культурный пласт С состоит из нескольких периодов. Началу 1960-х годов предшествовала так называемая “хрущевская оттепель”, на которую возлагала особые надежды интеллигенция Советского Союза. Поэтому повествование ведется от лица художника, он выступает как посредник между читателем и историей-письмом Алтынай. Это повествование окольцовывает основную сюжетную линию. Помимо прочего, именно в 1960-х годах работа и практика на колхозах и заводах были особенно романтизированы и воспевались студентами и поэтами. Это пласт Советского Союза, мы обозначим как C_{60} (реалии эпохи: *“телеграмма”*, *“торжественное открытие школы, построенного силами колхоза”*, *“академик”*, *“торжественное собрание”*, *“колхозники”*, *“пионеры повязали красный галстук”*, *“почетная книга”*, *“товарищи”* (обращение), *“письмо”*, *“часы”*).

Основная сюжетная линия повести происходит в киргизском аиле в начале становления Советской власти в начале 1920-х годов, на самом деле, становление Советской власти в национальных республиках имела схожие сценарии, поэтому культурный пласт 1920-х тоже обозначим как C_{20} (*“солдатская шинель”*, *“собрание”*, *“комсомолец”*, *“советская власть хочет, чтобы мы, бедняки, увидели свет, чтобы мы научились писать и читать”*, *“портрет Ленина”*, *ожидание прекрасного будущего*).

Так же в повести показано послевоенное время, 1946-й год – его условно обозначим как 1950-е годы – C_{50} (*“сосед по купе – бывший фронтовик, инвалид на костылях”*, *“военная жизнь”*, *“полевые сумки”*, *“солдаты”*, *“вдовья доля”*, *“пропал без вести”*, *“пуховый платок”*, *“похоронный марш”*).

Повесть «перекодирована» на русский язык, на котором осуществлялась коммуникация между народами СССР, с обилием русских фразеологизмов и речевых оборотов. Обозначим русский культурный пласт как **РО**. Этот пласт самый объемный.

Речевые обороты и фразеологизмы русского языка делают текст легким, доступным и понятным для среднестатистического читателя, а неведомый киргизский мир – очень понятным, близким, тем самым разрушая границы между “чужим” и “своим, родным”.

Как известно, «у каждой культуры своя интерпретация действительности прежде всего посредством национального языка, отражающего культурный код и уникальную идентичность нации. Контактируя с чужой культурой, говорящий (читающий) видит ее через призму своей национальной культуры, чем и предопределяется непонимание специфических фактов и явлений иной культуры» [11, с. 175]. Надо дополнить, что через призму родной культуры еще можно и понять, принять факты и явления родственной лингвокультуры. А если народы объединяет общее культурное пространство, например, советское, выра-

жаемое вербально русским языком, то это во многом облегчает перевод. Однако и здесь отмечаются национально-культурные различия.

Например, в переводе повести на язык саха преобладают, в основном, группа фразеологизмов и речевых оборотов, выражающих эмоциональное состояние человека: 1) “думал с щемящей тоской” – “ахта-саныы иһэр буолааччым”; 2) “затаив дыхание, мы замирали” – “хас биирбит... сангата суох иһийэн хаалара”; 3) “и сердце у меня коло-тилось” – “сүрүбүм битиргэччи тэбэрэ”; 4) «тем меньше будут мучить угрызения сове-сти» – соччонон мин санаам чэпчиэбэ; 5) “поставить в неловкое положение” – “миигин кыбыһыннарым диэн куттаныма”; 6) “раздались одобрителные возгласы” – “биһириир сангалар иһилиннилэр”; 7) “люди замялись, как бы прикидывая в уме” – “дьон... өйдүү сата-абытты, саараннастылар”. Как видим, автор пользуется традиционно-национальными русскими концептами как “тоска”, “совесть”, “сердце”. “Тоска” и “совесть” в якутском переводе заменены одним из ключевых концептов народа саха “санаа”. “Санаа” означает и “думу”, “мысль”, “переживание”, “воспоминание” и “душу”.

Помимо фразеологических единиц, выражающих эмоциональное состояние, есть и со-матические фразеологизмы с компонентом основных частей тела как «голова», «руки»: 1) “мне одному это не по плечу” – “мин кыайан соботобун тобулуо суохпун”; 2) “один из них небрежно махнул рукой” – “аанньа ахсарбатахты сапсыан кэбистэ”; 3) “теле-граммы пошли по рукам” – “Телеграммалар илииттэн илиигэ барбыттара”; 4) “нет, не укладывалось такое у меня в голове” – “суох, ити мин өйбөр сатаан кирибэт этэ”; 5) “что взбрело ему в голову – то и сделал” – “төбөтүгэр оннук санаа көтөн түспүтэ да – онгорбута”; 6) “не морочь нам голову” – “адьас төбөбүтүн сынньыма”.

“Пошли по рукам” в оригинальном тексте означает, что телеграммы передавались от одного к другому, разошлись по комнате, по гостям. В переводе на якутский язык используется калькированный с русского языка фразеологический оборот “илииттэн илиигэ сырыт” [12, с. 189] – “илииттэн илиигэ барбыттара”. В переводе фразеологизма “махнул рукой” так же используется якутский аналог “сапсыан кэбис”. В случае перевода фразеологизмов с концептом “голова” используется “өй” (ум), “төбө” (голова). Но “не укладывалось в голо-ве” переведено буквально “өйбөр сатаан кирибэт этэ”, когда как можно было использовать соответствующее узусуальном нормам якутского языка словосочетание “өйүм хоппот этэ”. Выражение “Не морочь голову” переведено как “төбөтүн сынньыма”, хотя в контексте дан-ного предложения можно было использовать “онон-манан иирдимэ” – “не сбивай с толку”.

Таким образом, приходим к выводу, что эта особенность русского культурного пласта в повести помогает воспринимать писательский язык без ощущения какой-либо инаково-сти, наоборот, фразеологизмы и иные речевые обороты, основанные на традиционных кон-цептах русской лингвокультуры, доступны и понимаемы всеми советскими читателями.

И, наконец, самым доступным для восприятия и понимания является общечеловеческий семиотическим пласт – $\mathbf{Ч}_0$ (“тополя точно маяки на горе”, “этюды”, “замысел”, “картина” и т.д.).

Схемы семотических пластов повести “Первый учитель” Чингиза Айтматова в ори-гинале и переводе на русский язык выглядят так: $\mathbf{O}_1 = \mathbf{K} (\mathbf{T} + \mathbf{M}) + \mathbf{C} + \mathbf{Ч}_0$. Основной пласт оригинального текста занимает киргизский семиотический пласт, где советский пласт представлен в реалиях эпохи. В тексте нет ощущения особого влияния русской культуры и в особенности русского языка.

А в русском переводе особо подчеркнут советский контекст и использованы фразео-логические обороты, понятные русскоязычному советскому читателю. Чингиз Айтматов в соавторстве с переводчицей Анной Дмитриевой “перекодировали” исходный текст в но-вый текст: $\mathbf{O}_2 = \mathbf{K} + \mathbf{Ч}_0 + \mathbf{C} (\mathbf{C}_{60} + \mathbf{C}_{20} + \mathbf{C}_{50} + \mathbf{PO})$.

Перекодирование в автопереводе писателя-билингва

Известно, что Ю. Лотман создал свою модель коммуникации под влиянием модели Р. Якобсона «Я – ОН» [Якобсон]: «В системе «Я – Я» носитель информации остается тем же, но сообщение в процессе коммуникации переформулируется и приобретает новый смысл. Это происходит в результате того, что вводится добавочный – второй – код и исходное сообщение перекодируется в единицах его структуры, получая черты нового сообщения... Если коммуникативная система «Я – ОН» обеспечивает лишь передачу некоторого константного объема информации, то в канале «Я – Я» происходит ее качественная трансформация, которая приводит к перестройке самого этого «Я» [8, с.163]. На наш взгляд, модель автокоммуникации «Я – Я» Лотмана подходит для описания и анализа художественного перевода, когда писатель сам переводит свое произведение или пишет текст на другом языке. Возможно, эта модель может объяснить природу писательского дарования Чингиза Айтматова как двуязычного писателя. Будучи билингом и «создавая свои произведения на киргизском и русском языках, он стремился к передаче национального образа мира на другом языке и в контексте иной культуры, прибегая к различным стилистическим приемам и средствам художественной выразительности. Как следствие, оттенки значений и сами значения в русском варианте обнаруживают отличия от киргизского текста» [13, с. 500]. Ч. Айтматов как художник мыслит категорией мифопоэтического эпоса. Вероятно, для него самого это стало неким откровением, когда он начал переводить с родного киргизского – перекодировать свои тексты на русский язык.

Перевод повести «Биринчи мугалим» / «Первый учитель» на русский язык наглядно демонстрирует авторскую «перекодировку» текста с одного языка на другой. Как мы отметили, два текста – оригинал на киргизском языке и перевод на русский язык – нам можно рассматривать как два отдельных текста. Потому что авторский перевод отредактирован и заполнен дополнительными смыслами. Ч. Айтматов как автор выступает переводчиком-транслятором. Он посредник между двумя чуждыми друг другу культурами, языками. Происходит взаимопроникновение мифопоэтического сознания киргизского народа и мифологии советского пространства.

Когда киргизский текст попадает в новое семиотическое пространство русского языка, контекст сообщения сдвигается и преобразуется в новый код. Например, в оригинале повести на киргизском языке в сообщении писателя акцент делается на цикличности времен года. «Кыш ооп жаз да келди» – «Как и зима, пришла весна». В переводе на русский язык автор в сообщении добавляет культурный код тюркского мира – «Зима **откочевала** за перевал. Уже **гнала свои синие табуны весна**». О том, что такое расширение фразы писатель делает неспроста, д. филол. н. У. М. Бахтикирева пишет: «В процессе создания художественного творения автор-билингв производит тщательный отбор каждого элемента; ни один из них не может быть квалифицирован как «лишний», семантически избыточный, так как каждое инокультурное слово призвано не только занять определенное место в синтагматике целого, но и предоставить читателю коды доступа к постижению иного этнического мироощущения» [6, с. 195]. То есть мы видим, как писатель-билингв (переводчик) создает отражение киргизской картины мира средствами русского языка.

Еще одной авторской перекодировкой мы считаем многочисленные синтаксические параллелизмы в построении сообщений, коих в оригинальном тексте не так много. Значит, в таких случаях происходит перестройка синтаксиса, темпо-ритмической организации произведения, тем самым моделируется приблизительный образ киргизской (тюркской) поэтико-художественной эстетики: «История, всколыхнувшая мне душу, история, побу-

дившая меня взяться за кисть, кажется мне настолько огромной, что я один не могу ее объять». «В нашем аиле сколько угодно всяких деревьев, но эти тополя особенные – у них свой особый язык и, должно быть, своя особая, певучая душа». Появляется удивительная певучесть русскоязычного текста, необычная для остальных, но близкая и понятная якутскому читателю, воспитанному в схожей эстетике эпоса олонхо.

В результате процесса перекодирования различных пластов повести произошла самая значительная перекодировка – текст повести при переводе трансформировался в мифопоэтический текст.

Перевод ситуативных реалий

Проф. И. С. Алексеева рассматривает различие семиотических пластов как одну из важных особенностей переводимого текста, называя это «лингвоэтнической спецификой» и выделяет ситуативные реалии [14, с. 172]. Ситуативные реалии представляют собой обычаи, нравы тех или иных культур, которые понятны лишь во внутреннем контексте, и могут быть при переводе на другой язык потерять изначальный окрас, суть или смысл.

Противоположные по своей сути киргизский (восточный) и русский (европейский) «миры» Ч. Айтматов облакает в узнаваемую всеми «советскость», и тем самым находит некий компромисс. Героиня его повести освобождается от жестоких обычаев своего народа именно благодаря Советской власти, как и многие героини многих произведений литературы народов СССР.

Рассмотрим в русском тексте ситуативные реалии киргизского мира. Их, на удивление, совсем не много. И в большинстве своем имеют негативную окраску. Например: *Он терпеть не мог, когда жена лезла не в свои дела, забывая, что в доме есть муж, хозяин. Он нещадно бил ее за это. И в этот раз, видно, закипела в нем злоба* [5, с. 194] – *Дьилээх эр киши баарына кэргэнэ туораттан кирисиэ суохха кирисэрин убайым адьас сөбүлээбэт этэ. Ол туһуттан кэргэнин олус баламаттык кырбыыра. Бу да сырыыга кини кыынньыбыт быһыылааба* [5, с. 245]. В тексте оригинала мужчина представлен как изверг («муж» = «хозяин» бесправной женщины), который нещадно бьет постоянно, потому что «терпеть не может». В тексте перевода мужчина назван в данном отрезке родным дядей – «убай», что смягчает восприятие читателя. Категоричное «терпеть не мог» заменено на более мягкое и корректное «*адьас сөбүлээбэт этэ*» – «не любил, когда...». Так в переводе произошла трансформация ситуативной реалии, что не соответствует авторскому замыслу, оригиналу.

Жестокому миру восточного мужчины противопоставлен справедливый мир советского человека, учителя Дюйшена. Ситуативные реалии, используемые здесь, очень узнаваемые, часто плакатные, и более того во всех ситуациях писатель использует фигуры речи, фразеологические обороты русского языка. Например: «*Кровь схлынула с лица Дюйшена. Обрывая дрожащими пальцами крючки шинели, он вытащил из кармана гимнастерки лист бумаги, сложенный вчетверо, и, торопливо развернув его, поднял над головой.*

– Значит, вы против этой бумаги, где сказано об учении детей, где поставлена печать Советской власти? А кто вам дал землю, воду, кто дал вам волю? Ну, кто против законов Советской власти, кто? Отвечай!

Он выкрикнул слово «отвечай» с такой звенящей, гневной силой, что оно, как пуля, прорезало теплень осенней тиши и, словно выстрел, отозвалось коротким эхом в скалах. Никто не проронил ни слова. Люди молчали, понунив головы» [5, с. 188].

Перевод:

«Дюйшен сирэйэ кубарыс гына түстэ. Салбалас тарбахтарынан синиэлин күрүчүөктэрин турута тыытан, гимнастеркатын сиэбиттэн түөрт гына суулуу тутуллубут илиис кумабыны таһааран, тиэтэлинэн тэнитэ туттаат, өрө уунна:

– Ол аата эһиги бу оёону үөрэтэр туһунан этиллибит, советскай былаас бэчээтэ ууруллубут кумаабытын утарар буоллаххыт? Оттон эһиэхэ ким сири, ууну биэрбитэй? Чэйинг, ким советскай былаас сокуонун утарарый, ким? Этинг.

Кини «этинг» диэн тылы олус дуорааннаахтык, саталлаахтык кылааммытыттан ити тыл, буулдьа курдук, күһүңгү сылаас намыын салгыны тобулу көтөн, хайаба тиийэн, саа тыаһын курдук саалынна. Ким да тыл ыһыктыбата. Дьон, төбөлөрүн нөрүтэн, иһийэн турдулар» [5, с. 238].

В данном отрывке текста знакомый советским читателям плакатный, пафосный, нарочито-яркий пример типичного поведения революционера. В якутском тексте этот революционный пафос теряется в длинных предложениях.

Ключевые лингвокультурымы киргизского семиотического пласта в оригиналах и переводе

Семиосфера киргизской картины мира, непередаваемый пласт киргизских реалий (К), сосредоточена в образе главной героини повести – Алтынай.

Алтынай – свободолюбивое дитя природы, тонко чувствующее дыхание родного аила. Автор передает её чувства, радости и печали состоянием окружающей природы, временами года. Сперва Алтынай предстает перед нами осенью – пожилой женщиной-ученым. Автор использует прием психологического параллелизма, когда сравнивает героиню с осенью (и возвращенными ею тополями): «Солнце было на закате – у сиреневой черточки далекой сумеречной степи. Оно светило оттуда меркнувшим светом, окрашивая верхушки тополей тусклым, печальным багрянцем.

Я подошел к Алтынай Сулаймановне.

– Сейчас они листву роняют, а посмотрели бы вы на эти тополя весной, в пору цвета, – сказал я ей.

– И я об этом же думаю, – вздохнула Алтынай Сулаймановна и, помолчав, добавила, словно бы про себя: – Да, у всего живого есть своя весна и своя осень» [5, с. 184].

В оригинале между предложениями – тишина, паузы, молчание. Диалог между двумя людьми не нарушает тишину осеннего вечера, между автором и его героиней возникает доверительное взаимопонимание. Но данный отрывок переведен на якутский язык дословно, что нарушает и разрушает настроение текста: *Киирэн эрэр күн ыраах тумарыктыан көстөр степь күөх кыыһаан дьураатыгар түспүт, ол онтон убаараан эрэр сырдыгын ыытан, тирэхтэр чыптаалларыгар өлбөөдүчү, санныгардык кытара дьааһыйбыт.*

Мин Алтынай Сулаймановнаба тиийдим.

– Билигин сэбирдэхтэрин түһэрэн эрэллэр, ити тирэхтэри саас, көбөрөллөрүн үгэнигэр, көрөрүн эбитэ буоллар, – диэтим киниэхэ.

– Мин эмиз ону саныы турабын, – Алтынай Сулаймановна үөһэ тыынна уонна, сангата суох турбахтаан баран, бэйэтэ бэйэтигэр этэр курдук эбэн биэрдэ: – даа, ханнык да тыынар тыыннаах барыта бэйэтэ сааскылаах, бэйэтэ күһүннээх [5, с. 234].

В сложных предложениях пропадают паузы, создается ощущение, что и герои говорят очень много.

Так же в этом отрывке возникают образы-лингвокультурымы “солнца” и “земли”, “взаимотношением” которых автор в последующем тексте будет описывать настроение юной Алтынай.

В тюркской культуре солнце является одним из главных символов, как правило, имеет мужское начало. Женское начало символизирует луна – “ай”. В повести луной является главная героиня, имя которой переводится с киргизского как “золотая луна”.

В древнем эпическом памятнике киргизского народа «Манас» «солнце», «земля» и «луна» воспеваются так: *«В этом мире только звезды вечно правят свой путь при извечной луне, только вечное солнце вечно с востока встает, только земля черногрудая на извечном месте своем»* [15, с. 5]. Киргизской культуре свойственна восточная экспрессивность, откровенность и поэтому земля предстает в образе обнаженной женщины.

Известно, что лингвокультурема «земля» восходит к древнейшим, архетипическим символам, неизменно представляющим собой саму жизнь, женское начало, плодородность. Лингвокультурема «земля» во многих текстах писателя Чингиза Айтматова является центральной, смыслообразующей лингвокультуремой. В повести «Первый учитель» лингвокультурема «солнце» и «земля» тесно связаны с мироощущением, настроением главной героини, киргизской девушки Алтынай. Например, после встречи с Дюйшеном она будто купается в лучах солнца, а «земля» будто бы разделяет с нею её радость, красочна и прекрасна, поэтому она доверяет ей свои чувства: *«Солнце уже склонилось к холмам, но оно, казалось мне, медлило, не скрывалось, оно хотело наглядеться на меня. Оно украшало мою дорогу: пожухлая осенняя земля стелилась под ногами в багряных, розовых и лиловых красках»* [5, с. 191] – *«Күн томтордор үрдүлэринэн санныйбыт этэ да, миигин көрө түһээри бытааран, кириэхчэ киирбэккэ турар курдуга. Кини мин суолбун кизгэтээрэ: атахтарым анныгар күрэнсийбит күһүнгү сир энгин араас кытархай, кыһаан, күөх өгүнэн оонньоон нэлэйэн сытара»* [5, с. 242].

В оригинале повести О₂ «солнце» «желает наглядеться» на девушку, в переводе солнце по-отечески наблюдает за героиней. Лингвокультурема «солнце» очеловечен местоимением «кини».

В следующем примере использован стилистический прием, параллельный с отрывком выше. Здесь влюбленная киргизская девушка идентифицирует себя с весенней «землей» – «земля» оживает, одушевляется и читатель домысливает образ земли-девушки с раскинутыми руками и развевающимися на ветру волосами, которая бросается навстречу своей первой любви, «не в силах остановиться»: *«Земля, словно бы раскинув руки, сбегала с гор и неслась, не в силах остановиться, в мерцающие серебряные дали степи, объятые солнцем и легкой, призрачной дымкой»* [5, с. 206].

В переводе на якутский язык лингвокультурема «земля» обретает образ матери и переводится как «сир ийэ». В данном случае пропадает идентификация образа «я» героини с «землей» и скорее «земля» представляет собой уже образ весны, весны-матери, радующейся девушке: *«Сир ийэ, икки илиитин быластыы туппут курдук, хайаттан сүүрэн түһэн, кыайан тохтуур бокуойа суох, күлүмүрдэс күн сырдыгар, сэксэккэй үүт-тураан тумарыкка үрүҥ көмүстүү дыримниир степь улабаатын диэки дьулуруйара»* [5, с. 206]. В переводе происходит трансформация образа, вызванная непониманием авторского замысла и верой в универсальность общетюркских образов.

В несчастные дни Алтынай «земля» будто предаёт девушку, и она враждебна, как окружающие её незнакомые люди, сопротивляется ей. Здесь чужая ей земля – горная, каменная. Здесь использована лингвокультурема «земля» периферийного значения как «почва», «чернозем»: *«У потухшего очага сидела угрюмая, высохшая, словно коряга, старая женщина. Лицо у нее было темное, как земля»* [5, с. 213] – *«Умуллубут холумтан аттыгар хаппыт сыгынах курдук уостубут, уорастыйбыт кырдыаҕас дьахтар олороро. Сирэйин дьүһүнэ, буор курдук, хара баламах»* [5, с. 267].

«Иступленно, остервенело скребла я землю под юртой. Почва оказалась каменной, не поддавалась» [5, с. 214] – *«Кыһыйан-абаран, кыйыттан туран ураһа аннын хаспытым. Буор таастаах буолан, кыайан бэриммэт»* [5, с. 268].

Отметим, что в якутском переводе в этих примерах лингвокультурема «земля» переводчик заменил на «буор» и «аннын», на слова более нейтрального значения. Отметим, что лингвокультурема «буор» в якутском языке имеет одно из ключевых значений, важных для понимания мировоззрения народа саха.

Таким образом, лингвокультурема «земля» в русском тексте киргизского автора – в повести «Первый учитель» – одушевлена, неразрывно связана с образом главной героини, Алтынай. А лингвокультурема «солнце» связана с образом учителя Дюйшена. Однако в переводе Николая Кондакова на якутский язык лингвокультурема «земля» представлена как «сир ийэ», «ийэ сир», т. е. «мать-земля», т. е. в традиционном, сакральном значении, без учета авторского замысла Ч. Айтматова.

Заключение

Сопоставляя оригинальные айтматовские тексты с переводом повести на якутский язык, приходишь к мысли, что многие киргизские пласты трансформированы переводчиком в якутские. Возможно, это произошло под влиянием установки переводчика на то, что исходная лингвокультура – родственная, тюркская. Как видим из примеров, не всегда общетюркское совпадает у конкретных лингвокультур.

Семиотические пласты повести «Первый учитель» разделяются по периодам ушедшей эпохи, эпохи великих потрясений для нашей страны – послереволюционный период становления советской власти, когда были основаны национальные республики (недаром автор в повести «возвращает» своих героев в 1924-й год, год образования Киргизской АССР) C_{20} ; трудный во всех отношениях послевоенный период, когда спасала только человеческая взаимоподдержка C_{50} и, наконец, период хрущевской «оттепели», полный надежд на светлое будущее C_{60} . Все эти тяжелые времена выносит на крыльях вдохновения киргизский семиотический пласт **К**. Поэтический, полный образных метафор текст автора в грубый, клишированный советский мир привнес особый свежий воздух, воздух гор и степей.

Повесть Чингиза Айтматова «Первый учитель» в переводе Николая Кондакова, действительно, напоминает очерк очевидца. Но этот крепкий по своему строению стиль теряется, когда переводчик стремится сохранить дословно все прелести айтматовского языка на якутском языке. Поэтому перевод иногда темпоритмически не совпадает с оригиналом, становится тяжеловесен, невнятен из-за обилия сложных предложений.

В оригинале O_2 текст легкий, прост и сонастроен эстетическому вкусу русского (русскоязычного) читателя. А перевод Н. Кондакова и герои его перевода вобрали в себя больше якутской неспешности, мягкости вместо буйства чувств восточного человека. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что семиотические пласты оригинала O_2 в якутском переводе P_1 трансформировались, потеряв или не раскрыв авторского замысла. Основных причин такого итога мы видим три: 1) неглубокое понимание переводчиком авторского замысла (раскрытие образа Алтынай, плакатность некоторых действий Дюйшена и др.); 2) нерасшифрованная разница картин мира родственных лингвокультур (перевод ситуативных реалий); 3) игнорирование узуса при переводе фразеологии из семиотических пластов **С** и **РО**.

В заключение необходимо отметить, что семиотический анализ как часть предпереводческого анализа (как обязательный этап перевода) должен иметь большое значение при переводе художественных текстов, относящихся к разным и родственным лингвокультурам. Подробный семиотический анализ помогает погрузиться в культуру и быт той или иной лингвокультуры, эпоху и знаковые события, освещенные в художественном тексте, и вычленив оттуда знаковые коды, сопоставить их и сделать условно-адекватный перевод, относясь к переводу как к перекодированию с одной семиотической системы в другую.

Литература

1. Айтматов, А. Ч. Я в Якутии неслучайно... / А. Ч. Айтматов // Полярная звезда. – 2017. – № 7. – С. 69–73.
2. Избранное : статьи, интервью и рецензии : в 3-х томах / [сост.: В. А. Чусовская, В. Н. Павлова и др.]. – Якутск : Бичик, 2016. – Т. 1: Андрей Борисов и путь Саха театра : статьи, интервью и рецензии / [отв. за вып.: М. К. Докторов, Т. А. Егорова]. – 2016. – 477 с.
3. Мыреева, А. Н. Романное мышление в современной якутской прозе (Повести Н. А. Лугинова 80–90-х гг.) // Литература и время : статьи / А. Н. Мыреева–Баишева ; отв. ред. В. Б. Окорокова. – Якутск : Бичик, 2010. – 176 с.
4. Васильев, С. Е. Александр Жирков Кыргызстаанна кэпсэтиилэри ытта / С. Васильев // Edersaas.ru : сетевое издание. – 2022. Муус устар 9 күнэ. – URL: <https://edersaas.ru/aleksandr-zhirkov-kyrgyzstaa-a-kepsetiileri-uytta/>. (на якут. языке).
5. Айтматов, Ч. Т. Илгэлээх ардах = Белый дождь : рассказ, повести / Ч. Айтматов. – Якутск : Бичик, 2016. – 656 с.
6. Бахтикиреева, У. М. «Языковые ключи» : иноязычная лексика в транслингвальном (русскофонном) художественном тексте / У. М. Бахтикиреева, О. А. Валикова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – Т. 13. – № 1. – С. 184–200. – URL: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-184-200>.
7. Айтматов, Ч. Т. Тэбиэн хараба : Сэһэннэр / Ч. Айтматов. – Якутский : Кинигэ изд-вота, 1966. – 272 с. (на якут. яз.).
8. Лотман, Ю. М. Семиосфера. – Санкт-Петербург : Искусство–СПБ, 2000. – 704 с.
9. Дьячковский, К. Д. Теоретико-познавательные основы изучения этносемиотических средств национальной культуры (на материале культуры саха: автореферат ... кан. филос. наук. – Якутск, 1997. – 21 с.
10. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста. Об искусстве / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург, 1998. – 288 с.
11. Белик, Е. В. Язык – вербальный культурный код нации / Е. В. Белик // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2012. – № 6. – С. 174–180.
12. Нелунов, А. Г. Сомоҕо домох сахалыы нууччалыы тылдьыта / А. Г. Нелунов. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1998. – 420 с. (на якут. яз.).
13. Яковлева, С. В. Литературно-художественный транслингвизм (на материале повести Чингиза Айтматова «Материнское поле») / С. В. Яковлева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2017. – Т. 14. – № 3. – С. 499–503. DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-3-499-503.
14. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учебн. заведений. / И. Алексеева. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ ; Москва : Академия, 2004. – 352 с.
15. Памятники культуры и искусства Киргизии : Древность и средневековье : / Составители каталога: А. К. Абетеков, Г. А. Брыкина, Д. Ф. Винник, Н. Г. Горбунова // Каталог выставки. – Ленинград : Искусство, 1983. – 80 с.

References

1. Aitmatov ACh. I'm in Yakutia by chance... Polar Star; 2017;7:69-73 (in Russian).
2. Chusovskaya VA., Pavlova VN. (eds.). Selected works: articles, interviews and reviews : in 3 volumes. Vol. 1: Andrey Borisov and the way of the Sakha theater : articles, interviews and reviews. Yakutsk : Bichik, 2016:477 (in Russian).
3. Myreeva AN. Novel thinking in modern Yakut prose (Stories by N.A. Luginov 80-90s). In: Okorokova VB (eds.). Literature and time: articles. Yakutsk: Bichik, 2010:176 (in Russian).
4. Vasiliev SE. Alexander Zhirkov held talks in Kyrgyzstan. In: Edersaas.ru [online], 2022. May 9. Available at: <https://edersaas.ru/aleksandr-zhirkov-kyrgyzstaa-a-kepsetiileri-uytta/>. [Accessed 11 September 2024] (in Yakut).
5. Aitmatov ChT. Ilgeleeh ardah = White rain: story, novel. Yakutsk: Bichik, 2016:656 (in Yakut).
6. Bakhtikireeva UM., Valikova OA. "Language keys": foreign vocabulary in translingual (Russian-phone) literary text. Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: Theory of Language.

Semiotics. Semantics. 2022;1(13):184-200. Available from: [//doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-184-200](https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-184-200) [Accessed 11 September 2024] (in Russian).

7. Aitmatov ChT. The camel's eye: Stories. Yakutsk: Book publishing house, 1966:272 (In Yakut).
8. Lotman YuM. Semiosphere. St. Petersburg: «Art – SPB», 2000:704 (in Russian).
9. Dyachkovsky KD. Theoretical and cognitive basis of studying ethnosemiotic means of national culture (on the material of Sakha culture). Summary of Candidate's dissertation (Philosophy). Yakutsk, 1997:21 (in Russian).
10. Lotman YuM. The structure of a literary text. About art. SPb., 1998:288 (in Russian).
11. Belik EV. Language is the verbal cultural code of the nation. Scientific Review. Series 2: Humanities. 2012;6:174-180 (in Russian).
12. Nelunov AG. Sakha-Russian dictionary of proverbs. Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 1998:420 (in Yakut).
13. Yakovleva SV. Literary and artistic translingualism (on the material of Chingiz Aitmatov's novel "Mother Field"). Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: Questions of education: languages and specialty. 2017;3(14):499-503. DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-3-499-503 (in Russian).
14. Alekseeva IS. Introduction to Translation Studies. Study. manual for stud. philol. and lingu. fac. higher. textbook. establishments. SPb.: Philological Faculty of SPbSU; Moscow: Publishing center "Academy", 2004:352 (in Russian).
15. Monuments of culture and art of Kyrgyzstan. In: Antiquity and the Middle Ages. Catalog of the exhibition. Leningrad: "Art", 1983:80 (in Russian).